

Какое-то время Лян Сычжэ был в полном оцепенении. Аудиозапись, присланная Чжан Минханем, слова Цао Е о том, что он видел Цао Сююаня и Чжэн Иня в постели, и фраза «как те две собаки» — всё это крутилось у него в голове. Каждое слово било его, как град. Из банкетного зала, вероятно, снова пришли за ним. Линь Хуань, увидев, что Цао Е ушёл, осторожно подошла к нему:

— Сычжэ, все ждут тебя для общей фотографии. Может, пойдём...

Лян Сычжэ словно очнулся от сна. Не ответив Линь Хуань, он подошёл к лифту и нажал кнопку вызова. Лифт быстро поднялся, и, как только двери открылись, он поспешно вошёл. Пока лифт спускался, в голове у Лян Сычжэ царил хаос. Он не знал, что он скажет Цао Е. Цао Е просил его не сниматься в фильме Цао Сююаня, но разве он мог отказаться? И всё же он чувствовал, что должен догнать Цао Е, вернуть его. У него было странное предчувствие, что, если он не сделает этого сейчас, то потом уже не найдёт его.

Выйдя из лифта, Лян Сычжэ выбежал на улицу. В вестибюле кто-то узнал его и воскликнул: «Лян Сычжэ!» Все тут же обернулись. Но Лян Сычжэ быстро выбежал из отеля, прежде чем его окружила толпа желающих получить автограф или сфотографироваться. Стоя на тротуаре, он тяжело дышал, растерянно глядя на перекрёсток.

На широкой улице длинные ряды машин стояли на красный свет, пешеходы спешили перейти дорогу, но Цао Е нигде не было видно. Куда бежать? В какую сторону он пошёл? Загорелся зелёный свет, машины рванулись вперёд, пешеходы исчезли, оставив лишь размытые следы от фар на сетчатке глаза. Завибрировал телефон. Наверное, звонили ассистент или агент, но Лян Сычжэ не ответил. Он попытался позвонить Цао Е, но холодный голос сообщил, что телефон абонента выключен. Из отеля выбежали несколько человек:

— Лян Сычжэ, это правда ты! Можно автограф?

Всё больше прохожих узнавали его, останавливались и смотрели на него. Лян Сычжэ не хотел ни с кем общаться. Мир вокруг казался переполненным машинами, людьми, гудками, шумом. Но в груди у него было пусто, словно оттуда вырвали что-то очень важное, оставляя лишь чувство растерянности и невесомости.

С бесстрастным лицом он прошёл сквозь толпу. Кто-то пытался получить автограф, кто-то поздравлял его с днём рождения. Разные голоса сливались в один сплошной гул. Какое-то время он видел только шевелящиеся губы, но не слышал слов. Немного опустив голову, Лян Сычжэ быстро прошёл сквозь толпу, миновал вестибюль и направился к служебному лифту. В лифте стало тихо, но чувство пустоты не проходило. Лян Сычжэ прислонился к стене, чтобы не упасть. Когда двери открылись, снаружи стоял его ассистент. Увидев его, тот облегчённо вздохнул:

— Ты наконец-то вернулся! Я уже собирался идти тебя искать.

Лян Сычжэ молча прошёл мимо него в сторону банкетного зала. Сделав несколько шагов, он

почувствовал, как ассистент тронул его за руку:

— Сычжэ.

Лян Сычжэ обернулся и увидел, что тот протягивает ему салфетку.

— У тебя на лбу пот. Скоро нужно будет фотографироваться.

— Спасибо, — Лян Сычжэ взял салфетку и вытер лоб. Он действительно вспотел, наверное, потому, что бежал. Но ему было немного холодно, а не жарко. Он открыл дверь и вошёл в зал. Все ждали его. Несколько человек тут же закричали, что нужно выпить штрафную. Лян Сычжэ не отказывался и выпил всё, что ему предлагали. Вокруг говорили без умолку, но он словно оглох и почти ничего не разбирал.

— Сычжэ, — кто-то позвал его. — Господин Сюй спрашивает тебя.

— Что? — Лян Сычжэ поставил бокал и посмотрел на говорившую. Это была одна из руководительниц его агентства.

— Господин Сюй спрашивает, какой подарок ты хочешь на день рождения, — улыбаясь, сказала она. — Проси что хочешь, не стесняйся.

Господин Сюй, владелец банкетного зала, смотрел на него с улыбкой. Лян Сычжэ, опустив ресницы, смотрел в одну точку. Невозможно было понять, о чём он думает или просто витает в облаках. Руководительница снова окликнула его:

— Ещё не придумал?

Лян Сычжэ поднял глаза:

— Я хочу записи с камер наблюдения отеля за сегодняшний вечер.

— Что? — женщина опешила, а затем рассмеялась. — Ты серьёзно? Мы пригласили лучшего фотографа, Линь-гэ обидится, если ты так скажешь.

Лян Сычжэ проигнорировал её слова. Он посмотрел на господина Сюя и, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Мне нужны записи из зала, коридора, лифта, вестибюля, входа в отель. Только это. Можно?

Господин Сюй продолжал улыбаться, с интересом глядя на него:

— Можно, конечно. Но зачем тебе это?

— Мне нужно, — ответил Лян Сычжэ, опустив глаза и уклонившись от прямого ответа.

Никто не мог отказать ему, тем более в его день рождения.

Директор отеля быстро позвал менеджера, и тот проводил Лян Сычжэ в комнату видеонаблюдения, где ему показали записи десятиминутной давности. Лян Сычжэ посмотрел на экраны. В тесном лифте Цао Е сначала стоял, прислонившись к стене, потом медленно сполз на пол, обхватив голову руками. Юноша съёжился в углу, его руки бессильно свисали с колен. Он выглядел совершенно подавленным и беспомощным. Лян Сычжэ, глядя на экран, сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Через некоторое время он хрипло произнес:

— Покажите мне записи с камер у входа в отель.

На записи с уличных камер было видно, как Цао Е выбежал из отеля. На зеленый свет он быстро пересёк дорогу и исчез из виду. Лян Сычжэ попросил ассистента принести ему куртку с капюшоном. Надев её в лифте, он натянул капюшон на голову, почти полностью скрывая лицо, чтобы его не узнали.

Он побежал в ту сторону, куда ушёл Цао Е. Пробежав несколько километров, он всё ещё надеялся увидеть его впереди, но, сколько бы улиц он ни пробежал, Цао Е нигде не было. Его ноги болели от долгого бега. Он остановился, прошёл несколько шагов и почувствовал, как у него пересохло в горле.

На каждом перекрёстке он замедлял шаг, гадая, не здесь ли свернул Цао Е, но продолжал бежать по главной дороге, надеясь на удачу. Кто знает, может быть, он уже на первом перекрёстке сделал неправильный выбор и упустил Цао Е? Лян Сычжэ остановился, посмотрел на свою длинную тень под уличным фонарём и вздохнул. Возможно, из-за выпитого на вечеринке ему казалось, что он бредит. Чувство нереальности было таким сильным, что у него закружилась голова.

Телефон в его кармане всё это время вибрировал. Он достал его и просмотрел уведомления. Многие друзья и коллеги поздравляли его с днём рождения, ассистент и агент просили вернуться в банкетный зал. Пробежав глазами по сообщениям, он увидел имя Чжэн Иня. Тот тоже прислал поздравление: «Сычжэ, с днём рождения. В последнее время у меня не было времени с тобой связаться. Если ты свободен, давай встретимся завтра и поговорим?»

«Наверное, он хочет обсудить со мной новый фильм Цао Сююаня», — подумал Лян Сычжэ. Он помнил интервью, где Цао Сююань заявил, что без него не сможет снять этот фильм. Он долго смотрел на эту фразу. Во время съёмок фильма «Тринадцать дней» ему потребовалось несколько десятков дублей, чтобы снять всего несколько секунд экранного времени. Тогда он был новичком и ничего не смыслил в актёрском мастерстве. Теперь же он получил награду за лучшую мужскую роль, дважды номинировался на премию «Золотая статуэтка», у него появились тысячи поклонников. Без Цао Сююаня он не стал бы тем Лян Сычжэ, без которого

«невозможно снять фильм». Цао Сююань был его наставником в актёрской профессии. Как он мог оставаться в стороне, когда его учитель попал в беду?

Но что имел в виду Цао Е, говоря о Цао Сююане и Чжэн Инь? Поначалу это звучало абсурдно. Если бы не слова Цао Е о том, что он видел это своими глазами, Лян Сычжэ ни за что бы ему не поверил. Цао Сююань и Чжэн Инь действительно отлично работали вместе, но их общение всегда оставалось в рамках профессионального. Они были как режиссёр и продюсер, которых связывало многолетнее сотрудничество, поэтому Лян Сычжэ никогда не думал о них иначе. Может быть, это было недоразумением? Может, Цао Е ошибся? Лян Сычжэ решил поговорить с Чжэн Инем и выяснить всё, что касается Цао Сююаня и его самого, Цао Сююаня и Ли Ю, а также Чжан Минханя.

Казалось, кто-то на улице узнал его. Лян Сычжэ опустил голову, натянул капюшон пониже и свернул в плохо освещённый переулок. У него не было сигарет, поэтому он купил пачку в киоске, попросил у продавца огня и выкурил сигарету в темноте. Немного успокоившись, он позвонил Чжэн Иню. Он не стал говорить по телефону о причине звонка, лишь упомянул, что виделся с Цао Е. Чжэн Инь помолчал, а затем сказал, что он дома и Лян Сычжэ может приехать в любое время. Лян Сычжэ поймал такси, и через полчаса был у дома Чжэн Иня.

Он позвонил в дверь. Через некоторое время дверь открылась. Чжэн Инь был в простой футболке и штанах — гораздо более неформально одетый, чем обычно на съёмочной площадке. Его лицо ничего не выражало.

— Пришёл, — спокойно сказал он.

Его квартира была большой. Лян Сычжэ вошёл и сел на диван в гостиной.

— Что будешь пить? — спросил Чжэн Инь, открывая холодильник.

— Воды, — ответил Лян Сычжэ. — Дядя Инь, садитесь. Я задам пару вопросов и уйду.

Чжэн Инь налил два стакана воды, добавил льда, поставил один стакан на журнальный столик перед Лян Сычжэ, а сам сел на другой диван напротив.

— Говори. Что ты хотел спросить?

Лян Сычжэ взял стакан, залпом выпил воду — у него пересохло в горле после долгого бега, — и сказал:

— Я сегодня виделся с Цао Е. Он рассказал мне кое-что о том, что случилось несколько лет назад. Угадаете, о чём?

Чжэн Инь сделал глоток воды, поставил стакан на стол и спокойно ответил:

— Он видел. Я знаю.

Они говорили загадками: один не хотел прямо спрашивать, другой — прямо отвечать, но оба понимали, о чём идёт речь. «Значит, это правда», — подумал Лян Сычжэ, опуская голову. От выпитого алкоголя голова его стала тяжёлой. Он подпёр лоб руками, медленно говоря:

— Дядя Инь, это ваше личное дело с Цао-лаоши. Вы — мои наставники, и мне не следовало бы вмешиваться, но Цао Е — мой друг, и я хочу помочь ему разобраться... Какие у вас отношения с учителем Цао? Или в браке Цао-лаоши и Ли-лаоши есть какой-то секрет?

— Ли-лаоши... — Чжэн Инь наклонился вперёд, поставив локти на колени. Он немного подумал, прежде чем ответить. — Сычжэ, ты поверишь, если я скажу, что и сам не очень понимаю их отношения?

— Расскажите, как есть. А дальше я сам разберусь.

— Хорошо, — кивнул Чжэн Инь. — Тогда скажу прямо. Я впервые встретил режиссёра Цао, когда учился на третьем курсе в Центральной академии драмы. Ему было двадцать восемь, он приехал к нам с лекцией. С тех пор я начал работать с ним в кино. Не пойми меня неправильно, но в первые десять лет между нами ничего не было. Прошло уже больше десяти лет, и, честно говоря, я редко видел их вместе, разве что, когда Ли-лаоши несколько лет назад привозила Цао Е обратно в страну.

Лян Сычжэ нахмурился:

— Вы хотите сказать, что они?..

— Я не знаю, какие у них отношения. Режиссёр Цао никогда не говорил мне об этом. Я думаю, что они, возможно, давно расстались. Я не пытаюсь снять с себя ответственность, но, если бы ты видел, как они общаются, ты бы понял... — Чжэн Инь замолчал, подбирая слова. — Они как... старые друзья, которые уважают друг друга, но давно не общаются.

Слова Чжэн Иня не удивили Лян Сычжэ. За годы работы со съёмочной группой Цао Сююаня он иногда задумывался, почему за всё это время он ни разу не видел, чтобы Ли Ю приезжала навестить мужа. Казалось, что их брак существовал только в разговорах других людей. Теперь же слова Чжэн Иня всё объясняли.

— А Цао Е знает об этом? — спросил Лян Сычжэ после недолгих раздумий.

— Думаю, что нет, — покачал головой Чжэн Инь. — Наверное, Ли Ю не хотела ему говорить, иначе зачем бы она каждый год привозила его в страну на каникулы?

— Но почему же вы не объяснили ему? Дядя Инь, думаю то, что он увидел, сильно его

травмировало. Почему вы тогда не объяснили ему, что его родители расстались, и что теперь вы с Цао-лаоши вместе? Цао Е не упрямый, он вам доверяет. Если бы вы сказали ему правду, ему было бы легче это пережить.

— Я думал об этом, но не знал, как объяснить. Сычжэ, мы с режиссёром Цао... — Чжэн Инь, казалось, затруднялся говорить. — Если бы мы действительно были вместе, это было бы проще. Но в нашей ситуации я не знаю, как ему объяснить, и не знаю, лучше ли будет ему объяснять или нет...

Лян Сычжэ быстро понял, что имел в виду Чжэн Инь. Он с удивлением посмотрел на него. «Вот почему, — подумал он. — Вот почему их отношения не похожи на отношения обычной пары. Потому что они не пара, а просто партнёры, которые поддерживают сексуальную связь».

— Теперь понимаешь? — Чжэн Инь горько усмехнулся. — К тому же, Ли Ю столько лет скрывала это от Цао Е. Я не знаю, должен ли я, посторонний человек, рассказывать ему об этом. Я советовал режиссёру Цао поговорить с сяо Е, но он всегда говорил, что сяо Е ещё ребёнок и всё поймёт, когда вырастет. Ты же знаешь его, он никогда не позволяет другим вмешиваться в свои дела, а если ему перечить, он выходит из себя. Его никто не может переубедить.

— Я понимаю, у вас свои сложности, — помолчав, сказал Лян Сычжэ. — Я знаю, что не должен спрашивать, но если Цао-лаоши предпочитает мужчин, то Цао Е... — Он не договорил, понимая, как абсурдно это звучит.

— Ты думаешь, что Цао Е не родной сын режиссёра Цао? — Чжэн Инь сразу понял его мысль и покачал головой. — Нет, это не так. Он человек, которому безразличны родственные связи, и он не любит детей. Если бы не родственная связь, он бы вообще не обращал внимания на Цао Е. Ты же слышал про тот случай с десятью миллионами? Сначала он не хотел платить Чжан Минханю, но потом тот отправил записи и фотографии Цао Е. Я рассказал об этом режиссёру Цао, и после недолгих уговоров он согласился заплатить десять миллионов за его молчание. В конце концов, ему безразлично положение сяо Е, иначе с его характером он бы так легко не сдался... Знаешь, какое решение он сначала мне предложил? Он хотел публично рассказать о своих отношениях с Чжан Минханем шесть лет назад, чтобы тот сам попал в ловушку, — Чжэн Инь усмехнулся. — Вот это в его стиле.

— Значит, Чжан Минхань и Цао-лаоши действительно...

— Чжан Минхань всё время твердил СМИ о домогательствах, выставляя себя жертвой, чтобы вызвать сочувствие. Если бы правда об их отношениях всплыла, ему бы некуда было деваться. Он правильно сделал, что использовал Цао Е в качестве рычага давления.

После слов Чжэн Иня они помолчали несколько минут. Затем Лян Сычжэ спросил:

— У меня последний вопрос. Кроме вас и Чжан Минханя, у Цао-лаоши были другие?..

— Были, — ответил Чжэн Инь. — Не буду скрывать, большинство слухов в нашем кругу — правда. Сычжэ, я рассказал тебе всё. Если ты хочешь рассказать всё сяо Е, я не против. Честно говоря, я думаю, что кто-то должен ему всё объяснить.

— Угу, — ответил Лян Сычжэ.

Он действительно собирался поговорить с Цао Е, но теперь, зная большую часть правды, он чувствовал себя неловко. Все — Ли Ю, Цао Сююань, Чжэн Инь, сотрудники съёмочной группы, друзья Цао Е — все они, вероятно, знали часть правды, но молчали. Они намеренно или ненамеренно, по кирпичику, построили для Цао Е красивый, но иллюзорный замок, в котором юноша беззаботно жил больше десяти лет. Но теперь Чжан Минхань вытащил один кирпич, и этот замок, построенный на шатком фундаменте, рухнул, как карточный домик.

Он представил себе Цао Е, съёжившегося в лифте, юношу, растерянно столкнувшегося с жестокой правдой и разрушенным образом отца. Как рассказать обо всём Цао Е, как помочь ему принять тот факт, что Цао Сююань — человек с одной стороны гениальный, а с другой — далеко не подарок и обладает своей тёмной стороной? Поставив себя на место Цао Е, он полностью понимал, почему тот не хочет прощать Цао Сююаня и не хочет помогать ему восстановить репутацию. На чашах весов с одной стороны был его наставник, который помог ему достичь нынешнего положения, а с другой — друг, который когда-то уступил ему свою возможность. Какая же чаша весов перевесит?

Он оказался в тупике, не зная, какое решение будет правильным. Выбрать Цао Е — проявить неблагодарность к наставнику. Выбрать Цао Сююаня — предать друга. Что же выбрать?

— Дядя Инь, — Лян Сычжэ наклонился, сцепил пальцы и со вздохом произнёс, — Цао-лаоши хочет, чтобы я снялся в фильме «Река Ванчуань». Он сказал, что без меня фильм не получится, но я подумал, что Земля будет вращаться и без меня, и фильм, вероятно, можно снять и без моего участия.

Чжэн Инь тут же поднял на него взгляд:

— Почему ты так говоришь? Ты не хочешь сниматься в «Реке Ванчуань»?

— Дело не в том, что я не хочу, — Лян Сычжэ покачал головой с выражением боли на лице. — Цао Е сегодня приходил ко мне и просил не сниматься в этом фильме. Я понимаю его чувства.

Чжэн Инь замолчал, встал и начал ходить по комнате. В тишине отчётливо слышались его шаги. Лян Сычжэ продолжил:

— Дядя Инь, я зову вас так же, как Цао Е. Он когда-то сказал, что вы — Дораэмон Цао-лаоши, что вы можете выполнить любое его желание. Этот фильм...

Чжэн Инь остановился и с раздражением прервал его:

— Но он хочет, чтобы ты снимался. Я не найду второго Лян Сычжэ.

Повисла неловкая пауза. Через некоторое время Чжэн Инь сказал:

— Сычжэ, ты читал статью Сун Юя? Он писал, что ему предлагали роль в «Реке Ванчуань». Это правда, директор по кастингу связывался с ним, но режиссёр Цао об этом не знал. Сун Юй отказался от роли, потому что считает, что съёмки в фильме на гомосексуальную тему навредят репутации режиссёра Цао после этого скандала. К тому же, фильм не выйдет в прокат в Китае в ближайшие пять лет, и если он не получит награды, то все усилия будут напрасны. Он не хочет рисковать. Все актёры сейчас так думают, поэтому найти двух главных героев очень сложно. А теперь ещё и ты отказываешься... Сычжэ, если ты тоже думаешь, что эта роль повредит твоей карьере, я тебя пойму...

— Дядя Инь, — перебил его Лян Сычжэ, — я не такой неблагодарный. Я уже объяснил причину. Моё решение не связано с карьерой, ведь всё, что у меня есть, я получил благодаря Цао-лаоши... Если режиссёр Цао настаивает, что без меня фильм не снять, то я соглашусь.

Как только он закончил говорить, зазвонил телефон Чжэн Иня. Лян Сычжэ замолчал. Чжэн Инь подошёл к столу и взял телефон:

— Я отвечу на звонок. — Он отошёл к окну и ответил: — Цао Е? Да, сын режиссёра Цао... Почему они вмешивают его в это дело?.. Попробуй пока замять это. Дай мне контакты, я поговорю с главным редактором.

Повесив трубку, Чжэн Инь нахмурился ещё сильнее, словно случилось что-то серьёзное.

— Что с Цао Е? — спросил Лян Сычжэ.

— Одно из интернет-изданий раскопало все данные о Ли Ю и Цао Е. Они собираются выпустить видео завтра, пока не утих скандал с Чжан Минханем.

— Зачем им это? — нахмурился Лян Сычжэ.

— Эти жёлтые издания гонятся за сенсациями. Они раскопали уже всё, что можно про режиссёра Цао, теперь добрались до его семьи. Режиссёр Цао никогда не рассказывал о своей семье, поэтому все гадают, кто его сын. Если они опубликуют это видео, жизнь Цао Е будет разрушена.

— Можно заплатить им, чтобы они это не публиковали?

— Наверное, можно, — телефон снова завибрировал, Чжэн Инь посмотрел на сообщение. — Мой друг прислал мне контакт главного редактора. Я поговорю с ними, попробую договориться.

Чжэн Инь взял сигарету, закурил, прошёл в другую комнату, закрыл дверь и начал звонить главному редактору. Лян Сычжэ прислушивался к разговору, пытаясь понять, удастся ли Чжэн Иню договориться. Через несколько минут разговор прекратился, и Чжэн Инь вышел. Лян Сычжэ встал и спросил:

— Ну как?

Чжэн Инь, хмуря брови, покачал головой:

— С этими можно договориться за десять миллионов. Но главный редактор оказался порядочным человеком, ему нравится фильм режиссёра Цао «Красный мужчина, красная женщина». Он сказал мне, что не только они хотят раскопать информацию о семье Цао Сююаня. Кто-то слил эту идею, и несколько изданий, включая интернет-блогеров, готовят материалы — статьи и видео. Они потратили много времени и денег, чтобы следить за Цао Е, поэтому теперь очень сложно будет всё это остановить... Мы слишком поздно узнали об этом. Как мы можем со всеми договориться посреди ночи?

Лян Сычжэ молчал. Обвинение Чжан Минханя против Цао Сююаня, как снежный ком, набирало обороты и теперь грозило обрушиться на Цао Е. Трудно представить, что будет с Цао Е, который уже находился на грани срыва, если его личная жизнь станет достоянием общественности, если все вокруг будут узнавать в нём сына Цао Сююаня и тыкать пальцем. Что случится? И насколько далеко зайдут СМИ? Во время съёмок фильма «Зона карантина» продюсер, из уважения к Цао Сююаню, не стал раскрывать, что человека, который ударил его, зовут Цао Е. Раскроют ли они это сейчас? А то, что год назад Цао Е ухаживал за Линь Хуань на съёмочной площадке? Обратят ли на это внимание СМИ? А то, что Цао Е ходил в гей-бар, принадлежащий брату Линь Яня? Не начнут ли сомневаться в его сексуальной ориентации?

Лян Сычжэ сам был публичной фигурой и знал, как легко СМИ раздувают скандалы и распространяют ложь. А независимые интернет-издания вообще ничего не боятся. Если всё это станет известно, жизнь Цао Е будет разрушена, и он потеряет свою спокойствие. Юношеская наивность дала трещину, со всех сторон на него обрушился шквал проблем, грозя стереть его в порошок.

— У меня есть идея, как выиграть время, — вдруг сказал Лян Сычжэ.

— Какая? — спросил Чжэн Инь.

— Я проведу пресс-конференцию и опровергну слухи о моих отношениях с Цао-лаоши. СМИ должны заинтересоваться, они не упустят такой шанс. Им придётся отложить публикацию о Цао Е.

— Это вариант... — Чжэн Инь задумался, идея показалась ему неплохой. — Я позвоню своему другу, главному редактору, узнаю его мнение.

Чжэн Инь включил громкую связь. Без лишних слов он рассказал о ситуации.

— Лян Сычжэ в качестве главной новости — это, конечно, весома, — сказал главный редактор, — но вряд ли это перекроет такую сенсацию, как семья Цао Сююаня. Пойми, отношения Лян Сычжэ и Цао Сююаня — всего лишь догадки, не настолько серьёзно, чтобы проводить пресс-конференцию. Даже если он её проведёт, вряд ли СМИ сделают из этого главную новость... У меня есть идея. Если он готов провести пресс-конференцию в формате «вопрос-ответ» и ответить на все вопросы о своей жизни, это будет настоящая сенсация. Личная жизнь звезды гораздо интереснее публике, чем личная жизнь обычного человека. Если ты хочешь договориться со СМИ, тебе нужно предложить им что-то более интересное. Вопрос в том, согласится ли Лян Сычжэ...

Не успел он договорить, как Чжэн Инь услышал тихий голос Лян Сычжэ:

— Я согласен.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130302>